

Андрей Россомахин

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН;
Лаборатория визуальной истории НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)
a-romaha@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0038-991X>

Andrey Rossomakhin

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
HSE University Laboratory for Visual History (Saint Petersburg)
a-romaha@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0038-991X>

УНИЧТОЖЕННЫЙ И ЗАБЫТЫЙ ЖУРНАЛ *STANDARD* (1924): КРАХ ПРОЕКТА КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ДАЙДЖЕСТА-РЕВЮ

THE SUPPRESSED AND FORGOTTEN JOURNAL *STANDARD* (1924): THE FAILURE OF A CONSTRUCTIVIST DIGEST-REVIEW PROJECT

Весной 1924 года 27-летний Егише Чаренц, известный поэт и реформатор армянского стиха, вместе с двумя соратниками-вхутемасовцами Каро Алабяном и Микаэлом Мазманияном (в будущем видными архитекторами) затеял в Москве издание авангардного журнала *Standard*. Начав свою карьеру до революции как постсимволист, теперь, третий год пребывая в Москве, Чаренц явно тяготеет к футуризму и имажинизму, но при этом, по всей видимости, учитывает идеологический прессинг и те трансформации, которые в русле советских реалий претерпели бывшие российские футуристы во главе с Маяковским. Важно отметить, что Чаренца в двадцатые годы критика нередко называла «армянским Маяковским» (чаще в уничижительном смысле).

Standard: Журнал литературы и искусства был отпечатан в мае 1924 года, в Москве, полностью на армянском языке. Его структура демонстрировала мультидисциплинарный диапазон затеянного проекта, призванного стать, по сути, ежемесячным или ежеквартальным ревью: ЛИТЕРАТУРА. ГРАФИКА. СКУЛЬПТУРА. АРХИТЕКТУРА. ТЕАТР. КИНО. Первый номер включал также декларации, обзоры выставок, рецензии, полемику, небольшие переводы текстов Сергея Третьякова и Георга Гросса. Тираж первого номера журнала был отпечатан в мае 1924 года, но спустя несколько дней сожжен самими авторами. В статье реконструирован актуальный контекст, обусловивший уничтожение журнала. Журнал под вызывающим заглавием *Standard* — это попытка консолидации «левых» сил под знаменем конструктивизма; это важный артефакт эпохи, так и не ставший фактом литературно-художественного процесса.

Ключевые слова: Егише Чаренц, футуризм, конструктивизм, журнал *Standard*, ЛЕФ, цензура.

In the spring of 1924, the 27-year-old Yeghishe Charents, a renowned poet and reformer of Armenian verse, collaborated with fellow Vkhutemas associates Karo Halabyan and Mikayel Mazmnyan (who would later become prominent architects) to launch the avant-garde journal *Standard* in Moscow. Having begun his pre-revolutionary career as a Post-Symbolist, Charents — then in his third year of residency in Moscow — demonstrated a clear inclination toward Futurism and Imagism. Simultaneously, his work reflected an awareness of the mounting ideological pressures and the transformations that former Russian Futurists, led by Vladimir Mayakovsky, had undergone within the framework of Soviet reality. Notably, during the 1920s, critics frequently labeled Charents the «Armenian Mayakovsky», often with a pejorative connotation.

Printed in Moscow in May 1924 and published entirely in Armenian, *Standard* was subtitled «A Journal of Literature and Art», a designation that extended far beyond purely literary confines. Its multidisciplinary structure defined the project as a comprehensive monthly or quarterly review encompassing LITERATURE, GRAPHICS, SCULPTURE, ARCHITECTURE, THEATER, AND CINEMA. The inaugural issue featured manifestos, exhibition overviews, reviews, polemics, and short translations of texts by Sergei Tretyakov and George Grosz.

Although the print run was completed in May 1924, the authors themselves burned the copies only a few days later. This article reconstructs the historical and cultural context that necessitated the journal's destruction. With its provocative title, *Standard* represents an attempt to consolidate Leftist forces under the banner of Constructivism; it remains a significant artifact of its era — a project that, despite its ambition, failed to manifest as an established fact within the literary and artistic process.

Key words: Yeghishe Charents, futurism, constructivism, *Standard* magazine, *LEF*, censorship.

Журнал может существовать теперь только как своеобразная литературная форма. Он должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи. <...> Но мы переживаем кризис большой литературной формы. Нам, может быть, нужен новый журнал, который, поставив рядом разные куски эстетического и внеэстетического материала, хотя бы случайно показал нам — как и из чего можно строить вещи нового жанра.

(Шкловский 1924: 41)

В 1924 году выдающийся армянский поэт Егише Чаренц (арм. Եղիշե Չարենց, настоящее имя — Егише́ Абгарович Согомонян; 1897–1937) третий год пребывает в Москве, куда он был командирован по направлению ЦК КП(б) Армении для учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Однако параллельно он поступает в Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова («Брюсовский институт»), где проводит явно больше времени¹.

К весне 1924 года 27-летний Чаренц уже известный поэт, реформатор армянского стиха, автор дюжины книг, включая даже двухтомное *Собрание*

¹ Ранее, в 1916–1917 годах, Чаренц учился в Москве в Народном университете имени Шанявского.

сочинений (М., 1922). Там же в Москве на армянском языке ранее был издан его сборник стихов *Радуга* (1917) и скандальная поэма *Романс без любви* (1922) — эта 24-страничная книжка оказалась в наибольшей степени заряжена футуризмом. За ней последовали сборники стихов *Поэзоурна* (1922) и *Комальманах* (1924)².

Итак, к началу 1920-х Чаренц уже прошел школу армянского и российского символизма и постсимволизма³, создав ряд произведений, позднее вошедших в канон армянской литературы. Наблюдая за насыщенными литературными баталиями Москвы как на богемных, так и на академических площадках, и теперь явно тяготея к футуризму, он, по всей видимости, учитывает идеологический прессинг и те трансформации, которые в русле советских реалий претерпевали бывшие российские футуристы во главе с Маяковским. Весной 1924 года Чаренц вместе с двумя студентами-вхутемасовцами — будущими выдающимися архитекторами Микаэлом Мазманяном (Միքայել Դավիթի Մազմանյան; 1899–1971) и Каро Алабяном (Կարո Միմնիկ Հաշիբյան; 1897–1959)⁴ затевает издание первого армянского авангардного постфутуристического журнала *STANDARD*. Чаренц намеревался развивать в журнале принципы, двумя годами ранее провозглашенные им в футуристической «Декларации трех», напечатанной в ереванской газете *Советская Армения* (*Хорурдаин Айастан*. 1922. № 130. 14 июня).

Программное заглавие журнала — очевидная претензия на создание образца, эталона (как в плане идеологическом, так и в плане эстетическом).

На конструктивистской обложке⁵ журнала изображен фотомонтаж с Лениным и турбиной (вождь как метафора технического прогресса). Рядом помещен программный эпиграф из Карла Маркса, проблематизирующий поэзию (лиро-эпику) и — шире — искусство:

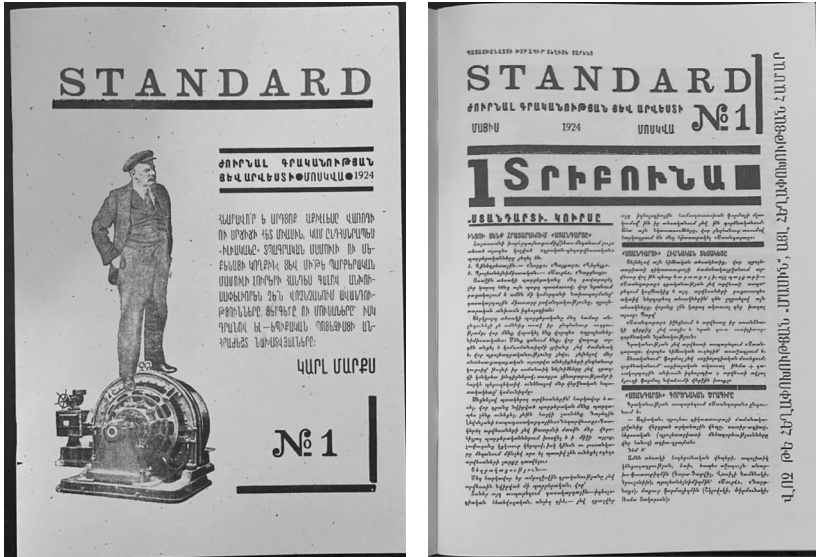
Возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания и песни и музыки, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии с появлением печатного станка?

² Аннотируем указанные пять московских книг Чаренца подробнее (все они были изданы на армянском языке): а) *Радуга*: Стихи. М.: Типография Э. Аветикян, [1917]. 62 с.; тираж 500 экз.; б) *Собрание сочинений*. Т. 1: Стихотворения. М., 1922. 330 с., портрет автора работы М. Мазманяна; Т. 2: Эпические поэмы. М., 1922. 280 с. (тираж не указан; двухтомник издан в типографии Дома культуры Армянской ССР в Москве, в феврале и мае 1922 года); в) *Поэзоурна*. М., 1922. 32 с.; тираж 500 экз.; г) *Романс без любви*: [Поэма]. М., 1922. 24 с.; тираж 400 экз.; д) *Комальманах* / Рисунки К. Алабяна по Г. Гроссу. М., 1924. 64 с., илл.; тираж 600 экз.

³ Из немногих недавних русскоязычных работ о Чаренце отметим показательное сопоставление его лексики в сравнении со старшими поэтами-учителями — Вааном Терьяном и Ованесом Туманяном: (Зулумян 2019: 252–279).

⁴ Мазманян и Алабян в это время учились в мастерских архитекторов Александра Веснина и Николая Ладовского.

⁵ Автор обложки не указан. Вероятно, концепция обложки и конструктивистского дизайна была разработана совместно триумvirатом авторов.

Илл. 1–2. Обложка и первая страница журнала *STANDARD*. № 1. Заглавие на обложке отпечатано красной краской

Этот пассаж Маркса относится к черновым наброскам 1857 года — «Введению» к его будущему труду *К критике политической экономии*. Чаренц, по-видимому, заимствовал данный фрагмент из новейшего на тот момент комментированного русского издания Маркса *К критике политической экономии* (Пг., 1922).

Журнал *STANDARD* вышел в свет в мае 1924 года, полностью на армянском языке⁶. На титульном листе над заголовком было указано: «Ответственный редактор Егише Чаренц», а справа по вертикали шел лозунг: «Не “о” революции, а для революции» (эту отсылку к Л. Д. Троцкому мы еще раз встретим на седьмой странице).

Подзаголовок позиционировал издание намного шире литературных рамок: «Журнал литературы и искусства», а структура 16-страничной брошюры определяла мультидисциплинарный диапазон затеянного проекта:

1. ТРИБУНА
2. ЛИТЕРАТУРА
3. РИСУНОК — СКУЛЬПТУРА — АРХИТЕКТУРА
4. ТЕАТР — КИНО

Таким образом, перед нами, по сути, попытка перезапуска на армянском языке пан-конструктивистского ревью Эл Лисицкого и Ильи Эренбурга, двумя годами ранее стартовавшего в Берлине, — полагаем, армянский

⁶ *STANDARD: Ժուրնալ Գրականության յեվ Արվեստի / Պատասխանատու Խմբագիր Յեդիշե Չարենց. Մուկվայում. Մայիս. 1924. № 1. = STANDARD: Журнал литературы и искусства [на армянском языке] / Ответственный редактор Егише Чаренц. Москва, 1924. № 1 (Май). — 16 с., ил. — 31 × 23,5 см. — Тираж 400 экз.*

STANDARD во многом (включая элементы верстки) ориентировался на ныне знаменитый журнал *Вещь*, два выпуска которого (дизайн Эл Лисицкого) вышли в свет в 1922 году на трех языках (русском, немецком и французском) как пилотные «международные обозрения современного искусства».

При сопоставлении журналов легко увидеть, что у *STANDARDa* прослеживаются идентичные с *Вещью* структурные характеристики, а также двухколоночный набор, акцентированная нумерация разделов и наличие излюбленных конструктивистами плашек. Добавим, что переключка с названием берлинской *Вещи* (по-немецки — «GegenSTAND») содержится в самом заглавии *STANDARD*⁷.

Кроме того, Чаренц со товарищи, тяготея к формату журнала-ревью, помимо *Вещи* вероятно могли учитывать и такой заметный журнал эпохи раннего конструктивизма как еженедельник *Зрелища*, чей подзаголовок («Еженедельник театра, мюзик-холла, цирка, массового действия, тифизкульты, балагана, кино») красноречиво демонстрировал широкий диапазон зрелищных искусств (равного внимания к которым мы, кстати, не наблюдаем ни в одном журнальном проекте последующих ста лет — по сей день). *Зрелища* издавались в Москве в течение двух лет, с августа 1922 до середины 1924 года (вышло почти 90 номеров, объемом от 20 до 40 страниц)⁸.

Однако в идеологическом плане армянский журнал намного сильнее ориентировался не на *Вещь*, а на *ЛЕФ*.

Раздел «Трибуна» представляет собой трехчастный декларативный текст «Курс “Стандарта”» — состоящий из трех главок «Почему мы печатаем “Стандарт”», «Основная точка зрения “Стандарта”» и «Рабочая программа “Стандарта”». (Ср. с тремя установочными текстами Владимира Маяковского в первом номере журнала *ЛЕФ*, изданного годом ранее: «За что борется ЛЕФ?», «В кого вгрызается ЛЕФ?», «Кого предостерегает ЛЕФ?»).

Помимо ряда других текстов Е. Чаренца, К. Алабяна и М. Мазманяна, в *STANDARDe* опубликованы тексты еще трех авторов — художника Леткара (настоящее имя Левон Тер-Карапетян: Լեւոն Կարապետյան)

⁷ Кроме того, в слове **STANdard** мерцает элемент названия самой Армении на армянском языке — **ԱյսՏԱՆ** (Հայաստան). Благодарю Владимира Фешенко, указавшего мне на эту рифму.

⁸ Журнал *Зрелища* был частным проектом, что избавляло его от чрезмерной политической ангажированности. На страницах этого журнала печатались десятки представителей авангардистского сообщества, в том числе театральные деятели, художники и литераторы разных эстетических платформ. Жанровый диапазон текстов был довольно широк: манифестарно-теоретические работы, памфлеты, фельетоны, очерки, обзоры, рецензии и т. п. Обложки журнала (как и иллюстрации внутри него) представляют особый интерес — ибо речь идет о преимущественно «конструктивистской» графике (а затем и фотомонтажных работах) таких ярких художников как Петр Галаджев, Борис Эрдман, Сергей Юткевич, Иван Шлепянов, Иван Чувилев, Николай Ликин. Некоторые из этих имен совершенно забыты и еще ждут актуализации. В 2024 году в НИУ ВШЭ была с отличием защищена выпускная дипломная работа «Журнал “Зрелища”: стиль, хроника, дискуссия» студентки программы «Филология» А. А. Кокуевой (при нашем научном руководстве); эта работа содержит серьезный задел для дальнейших исследований журнала *Зрелища*.

Չարապետյան); 1897–1966), актера и режиссера Рубена Симонова (Ռուբեն Միմոնյանց; 1899–1968) и некоего анонима, укрывшегося под псевдонимом *Вхутемасовец* (автором вполне мог быть один из упомянутых участников).

Блок рецензий включает краткие отклики на журналы *ЛЕФ* (1924. № 5), *Октябрь* (1924. № 1) и *Верел*» (1924. № 1–3), затем на московские выставку картин «Бубнового валета» и выставку революционного плаката, а также на ряд книжных новинок: политическую агитку Г. Абова «Единый фронт», сборник Е. Чаренца *Комальманах*, детскую книжку *Гикор* Ованеса Туманяна с иллюстрациями А. Коджояна и альбом Франца Мазереля *Политические рисунки*.

Как это нередко случалось с авангардистскими журналами, первый номер *STANDARDa* оказался последним, поэтому его можно называть альманахом. Однако мы имеем дело с экстраординарным случаем — весь тираж был уничтожен, причем не из-за цензурного произвола, а из-за самоцензуры, обусловленной идеологическим прессингом.

Тираж 400 экземпляров был отпечатан в мае 1924 года, в типографии Дома культуры Армянской ССР в Москве. Дом культуры располагался по адресу Армянский переулок, 2; здесь же находилась редакция московского армянского издательства «Молот и серп», где в течение 1924 года вышло более 20 книг на армянском языке — среди них не только армянские авторы, но и переводы на армянский язык произведений У. Уитмена, В. Гюго, Э. Золя, Г. Уэллса, У. Синклера, Джека Лондона, а также М. Горького, А. Богданова и Г. Плеханова.

Спустя почти 40 лет один из участников *STANDARDa*, Микаэл Мазманян, выживший в годы Большого террора (реабилитированный и к тому времени возглавивший архитектурную мастерскую по созданию Генплана Еревана), рассказал в мемуарах, что экземпляр *STANDARDa* Егише Чаренц вручил высокопоставленному партийному деятелю Александру Мясникяну, который в это время был в Москве⁹. Далее, как свидетельствует Мазманян, авторы журнала собственноручно уничтожили весь отпечатанный тираж:

Мясникян прочитал и хорошенько раскритиковал наш журнал за его неприемлемые идеи и посоветовал уничтожить все экземпляры. Чаренц вернулся грустный и сообщил, что нам следует сделать. В тот же вечер, 1 июня, мы разожгли большую кухонную плиту в нашем общежитии и сожгли наш

⁹ Мясникян (Мясников) Александр Федорович (1886–1925) — партийный и государственный деятель, литературный критик и публицист (печатался под псевдонимом «Ал. Мартуни»); активный участник революционного движения в Закавказье и Белоруссии. Сразу после Октябрьской революции — главнокомандующий войсками Западного фронта. В 1921–1922 годах — первый председатель Совнаркома Армении, затем первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б) и член Президиума ЦИК СССР. Мясникян погиб в марте 1925 года при аварии самолета; Чаренц посвятил его памяти поэму «Стена коммунаров в Париже» (1925).

«Стандарт», с такой любовью задуманный. По одному экземпляру мы сохранили на память... (Мазманян 1961: 69)¹⁰

Отметим попутно, что существует альтернативный мемуар об уничтожении журнала, его автор — Арташес Каринян (наст. фамилия Габриэлян; 1886–1982), в 1920-х занимавший ряд высоких должностей (Нарком юстиции АрмССР в 1921–1923; заместитель председателя ЦИК АрмССР в 1923–1924; председатель ЦИК АрмССР в 1924–1928), позднее доктор филологических наук (1953), академик (1956), член ЦК КП Армении (1956–1976). Хотя его мемуар не является свидетельством очевидца, и не выглядит убедительным в силу очевидной идеологической ангажированности и фактических ошибок, приведем из него соответствующий фрагмент:

Чаренц стал своего рода жертвой своих близких друзей. Как я понимаю, он уже начал правильно представлять курс партии в отношении культурного наследия. И вот именно в те дни *нового поворота* окружение Чаренца диктует ему (а может и принуждает его) выступить в роли последователя нового типа конструктивизма или нового варианта ЛЕФизма. Я не упоминаю здесь их фамилий. Эти фамилии хорошо известны. При непосредственном диктате этих «друзей» Чаренц решается издавать свой новый журнал «Стандарт». Это вполне великолепно иллюстрированное издание. Журнал вышел в свет в Москве, издан был всего один номер. <...>. Именно в эти дни и вручает мне Чаренц первый и единственный номер упомянутого журнала «Стандарт», в котором были напечатаны статьи и очерки о разных отраслях нового «конструктивного искусства». В своем основном направлении это был и своеобразный лефовский манифест, и еще одна новая квази-марксистская попытка обоснования конструктивизма. Дня два длились довольно горячие споры. И вот самым неожиданным образом Чаренц отважно сам решает оборвать все свои связи с «левыми» болтунами и взять *целиком новый курс — на новую позицию по отношению к «старому» искусству*. Опишу мою встречу с Чаренцем и беседу с ним. Чаренц приходит к заключению, что издание «Стандарта» было ошибочным предприятием, он прекрасно понимал, что критика противников приведет к новому разжиганию страстей и вызовет новые столкновения. Другьям он предлагает возратить ему номера «Стандарта». <...> Чаренц был правдивым и очень искренним поэтом. Он сам подчеркнул свой новый *поворот* к основам пушкинского ясного искусства (Каринян 1961: 143–144)¹¹.

¹⁰ Здесь и далее все ссылки на армяноязычные издания даются в русском переводе (перевод цитат по нашей просьбе был сделан Гаянэ Ахвердян, если не указано иное).

¹¹ Курсив автора. Отметим, что 40 годами ранее этот мемуарист напечатал погромные рецензии на Чаренца, приведем из них лишь по паре финальных фраз: «Чаренц смешивает воедино “имажинизм” и “коммунизм”, “мягкое тело” и “октябрь”». <...> Что и говорить, с такой беспримерной смесью понятий и постыдной профанацией революции надо вести решительную и беспощадную борьбу» (Каринян 1923а: 17–19); «Столь же не основательно его утверждение, что он — последователь Маяковского, а не имажинистов. Если Чаренцу доставляет удовольствие первое утверждение, то ему никто в этом не помеха. Но и мы, простые смертные, имеем право читать, сравнивать и определять, где истинное место поэта. И мы имеем право время от времени братья за перо и удерживать тех, кто путает с “красным фонарем” и “бедрями бедер” великую революцию наших дней» (Каринян 1923б: 45–46).

Как видим, после политической реабилитации Чаренца в 1954/1955 годах и его быстрой канонизации как национального гения и классика, бывший партийный администратор и плодовитый партийный литератор пытается всячески оторвать Чаренца от его «футуристического» и «формалистического» прошлого — отчасти в духе хрущевской борьбы с абстракционистами и недопустимого в СССР пристрастия к «формализму». (По сути, те же трансформации и фальсификации имели место и в советском маяковедении, почти до самого заката советской эпохи: Маяковского принудительно отрывали от футуризма, радикально фальсифицируя не только биографию и творчество поэта, но и историю литературы)¹².

В ноябре того же 1924 года по протекции Мясникяна Чаренц отправился в семимесячное заграничное путешествие, посетив Турцию, Грецию, Италию, Францию и Германию. Путешествуя по культурным центрам Европы, он возвращается к классическим идеям литературы и ровно через год после издания-и-уничтожения *STANDARDa* формулирует свои новые установки в письме в редакцию бакинской газеты *Вышка* (14 мая 1925) — написанном в типичном для эпохи идеологизированном жанре политическоего самобичевания и разоблачения собственных «ошибок»:

...надо раз и навсегда отказаться от разных «изм»-ов, которые происходят от **предпочтения формы** — и постараться «с ног до головы» извляться, пропитаться, пропечься и прокалиться пролетарской идеологией; необходимо понять, что тому, кто говорит от имени пролетариата, нельзя быть на точке зрения «искусства» «футуристического», «конструктивистского» или еще на какой-нибудь другой точке зрения, а следует быть только на одной и единой точке зрения — пролетарской. <...>

Мы думали завоевать мир плакатами и жалкими агитками, которые, самое большее, могут иметь значение текущей рекламы. И полагали, что это и есть то настоящее искусство, которое нужно пролетариату. А знаете, почему мы так думали? Потому что нашим жалким интеллигентским умом мы превращали живого рабочего в будто бы «классово полезное» безжизненное чучело, а это «полезное» брали в отрыве от самого человека, повисшим в воздухе, — ведь мы «отвергали» быт и психологию. И эти, заимствованные у ЛЕФа, интеллигентские фальшивые монеты мы хотели выдать за полновесное золото пролетарской идеологии, за, с позволения сказать, «марксизм». Между тем это было не что иное, как самый махровый буржуазный материализм, вульгаризированный нигилизм и писаревщина¹³.

Неудивительно, что попытка армянских культуртрегеров потерпела крах — к 1924 году футуризм уже давно архаичен в русскоязычном поле (а в армянском культурном поле он никогда не был магистральным); футуризм все жестче шельмуется партийной и пролеткультовской критикой и даже проецируется на идеологию муссолиниевской Италии.

¹² Подробнее см.: (Россомахин 2023: 26–32).

¹³ Фрагмент письма цит. по: (Чаренц 1973: 492–493). Полностью текст письма см.: (Чаренц 1967: 422–426). Полный русский перевод этого письма был опубликован дочерью поэта: (Чаренц 1987: 238–240).

Собственно, еще ранее, в 1922 году, по следам публикации футуристической по духу «Декларации трех» (Чаренца, Абова и Вштуни) в армянской прессе появилось немало политических проекций и прямых обвинений; вот пример характерной риторики такого рода:

Кто же вдохновил Чаренца на мечтания об Атилле? <...> Вячеслав Иванов, очень известный мистик, монархист и ярко выраженный противник революции — один из источников вдохновения нашего пролетарского поэта...

Сколь многие в Европе говорили, что большевики — это гунны, что это поход гуннов и т. п., что называется социалистической революцией. И те, кто это твердил, были самыми яркими контрреволюционерами, желающими дискредитировать Советскую власть помещиками и капиталистами. И вот в этом ряду... наш красный поэт Егише Чаренц.

<...> наш тов. Чаренц предпочитает брать уроки у... имажинистов и футуристов, преподнося нам такие законы: 1) Ритм как движение; 2) Образ как качество жизни.

И это всё? Вот уже пять лет как в России бьются над задачами пролеткультуры и, в частности, пролетарской поэзии. <...> Однако Чаренц <...> краешком уха в Москве послушал полу-декадентские, полу-имажинистские выступления Маяковского и какой жалкий урок он усвоил¹⁴. А в Москве эти имажинисты, кубисты, футуристы, эгофутуристы и все желающие создать тысячу и одну школу группировки объявляют себя творцами пролетарской поэзии. На какое-то время они уже настолько захватили рынок, что возникла необходимость устроить поход против этих отребьев буржуазного класса, чтобы указать им на их место... (Макинцян 1922: 2–3).

Хотя спустя два года, наученный скандально-пристрастной критикой и политическими спекуляциями оппонентов, Чаренц вместе с участниками *STANDARDa* в своей новой декларации отвергли «анархо-футуризм» (в частности, указывая на Кара-Дарвиша, Крученных и Каменского как адептов заумного языка), хотя они критиковали «лефовцев» (по лекалам которых во многом строили свои тезисы), хотя в изобразительном искусстве *STANDARD* отстаивал утилитарные произведения (агитационные плакаты, лубки, карикатуры и все то, что предназначено для массового потребления), — опытный партийный функционер Мясникян вероятно счел неприемлемыми вызывающую полемичность журнала, его заглавие, а также инвективы в адрес пролеткультовцев.

¹⁴ В первой половине двадцатых годов пролеткультовская критика нередко называла Чаренца «армянским Маяковским» — либо в уничижительном смысле, либо даже обвиняя в плагиате, — что он якобы «обармянил» Маяковского, апроприировав его поэму *150 000 000* в своей *Всепозме* (1920/1921) и перешеголяв радикализм *Облака в штанах* в якобы «порнографической» поэме «Романс без любви» (1922). Вменяемое Чаренцу подражательство Маяковскому рассмотрено в содержательном исследовании польского филолога Ежи Шокальского: (Шокальский 2014: 302–318). Отметим попутно, что Чаренц перевел на армянский язык ряд ранних произведений Маяковского: «Несколько слов о моей жене» (из цикла *Я!*), пролог к трагедии *Владимир Маяковский*, «Мама и убитый немцами вечер», «Хорошее отношение к лошадям», «Эй!», пролог к поэме *Война и мир*, «России», а также стихотворение 1920 года «Необычное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (см. эти переводы: (Чаренц 1964: 282–303).

Чаренц даже избрал особый неологизм для псевдо-пролетарских литераторов, одновременно иронизируя и над рядом современных журналов — за мимикрию под пролетарскую литературу и однообразную ритуализированную пролетарскую риторику. Так, уже на первой странице *STANDARDa*, в установочном декларативном тексте он пишет: «Мы считаем “Молот” и “Кузницу” *пролетнейнимистскими*, потому что в них властвует примитивный *нейним*, высокопарные славословия и абстрактные хвалы <...>. Мы объявляем, что будем вести беспощадную борьбу с этой пролет-риторикой». На страницах *STANDARDa* вариации этого неологизма-инвективы мы встретим девять раз!

Но, полагаем, еще одной, быть может, ключевой причиной уничтожения всего тиража журнала могло быть упоминание в нем имени Льва Троцкого (прямое — на седьмой странице, но более важное и концептуальное, хоть и завуалированное — на первой странице). Опытный партиец Мясникян конечно не мог не ощущать, что после смерти Ленина в январе 1924 года в партии началась борьба за власть — против всесильного Троцкого сформировался триумvirат Зиновьева–Каменева–Сталина. Путем аппаратных интриг Троцкий не получает пост председателя Совнаркома, а в феврале организованная триумvirатом комиссия признает «развал» в армии и Троцкий (председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам) в течение года начинает постепенно терять власть в созданной им Красной армии. Наконец, именно в мае (то есть синхронно с выходом в свет армянского *STANDARDa*) Троцкий подвергается серьезной травле на XIII съезде РКП(б), первом после смерти Ленина. Съезд резко осудил «троцкизм», потребовав от Троцкого отказа от фракционной деятельности и признания ошибок... Таким образом, Мясникян, симпатизировавший Чаренцу, мог привести целый ряд политических аргументов, приведших к уничтожению всего тиража пилотного номера журнала.

Быть может, были и внутренние причины для некоторого отрезвления и отказа от вызывающей полемичности. Утилитарность искусства провозглашалась участниками *STANDARDa* в весьма безапелляционном тоне, соперничающим с наиболее оголтелыми иезуитами *ЛЕФа*: так, например, на седьмой странице Чаренц и К° призывали оставить «прекрасное» и «высокое» только «мелкобуржуазным филистерам и аполитичным идиотам». Какой ценой такие лозунги дались армянскому лирику — мы можем только догадываться.

Надежды Чаренца, связанные с советизацией Армении и культурным строительством, вероятно по меньшей мере до середины двадцатых годов позволяли ему постоянно нападать на лирику Терьяна в своих выступлениях и полемических статьях, пять из которых мы впервые приводим для российского читателя в настоящем издании — как образец тотально идеологизированного советского дискурса. При этом нужно напомнить, что поэт Ваан Терьян (1885–1920) — один из самых почитаемых армянских лириков, снискавший славу своими сборниками *Грезы сумерек* (Тифлис,

1908) и *Стихотворения* (М., 1912). Он участвовал в подготовке двух важнейших русскоязычных антологий *Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней* и *Сборник армянской литературы*, изданных в 1916 году под редакцией, соответственно, Валерия Брюсова и Максима Горького. В 1917 году Терьян вступил в РСДРП; после революции — член большевистского ВЦИК и политический деятель, чья жизнь была рано оборвана туберкулезом. В статьях Чаренца 1920-х годов содержатся многочисленные нападки на «чахоточную» и символистскую лирику Терьяна, как не соответствующую задачам советской эпохи. Однако при этом Терьян был, по сути, заочным учителем Чаренца. Приведем свидетельство близкого друга поэта:

Чаренц рассказал мне, что, будучи еще студентом Карсского реального училища, в 1912 году он <...> купил книгу Ваана Терьяна «Стихотворения», которая только появилась в витрине книжного магазина: «— Как будто мне подарили неисчерпаемое сокровище. Эта книга стала для меня удивительным откровением, и я не мог оторваться от нее. Я уединялся с ней и не мог начитаться. Она оказала на меня такое магическое воздействие, что по сей день я не могу вспоминать ее без волнения». <...> Он питал к Терьяну глубокую симпатию и благоговение, а его произведения оставались для Чаренца эталоном литературного мастерства. <...> Ни к одному из писателей он не проявлял такого интереса, как к Ваану Терьяну. Он впитывал каждое воспоминание, каждый намек о нем... (Мазманян 1961: 60).

Происхождение псевдонима *Чаренц* отчасти мифологизировано, но в Армении принято вчитывать в него значения «неукротимый», «неистовый». Критика Терьяна Чаренцем объяснима его желанием, с одной стороны, преодолеть влияние учителя и утвердить свой собственный путь в поэзии (в том числе противопоставив туманной и осенней эмоции Терьяна свою солнечную и огненную витальность); с другой стороны, в его критике присутствуют и интенции авангардной эпохи, требовавшей «бросить с парохода современности» классиков, а также риторика советского ритуала, ибо и в метрополии, и в национальных окраинах шли яростные дискуссии за право «пролетарского» первородства... Добавим, что Чаренца с Терьяном сближали и армянский патриотизм, и космополитизм: они оба были образованнейшими армянскими поэтами-лириками, с ориентацией на европейскую, преимущественно французскую и русскую поэзию.

Возвращаясь к проекту конструктивистского дайджеста/ревью *STANDARD*, можно констатировать, что постфутуризм Чаренца, даже будучи переформатирован в радикально идеологизированном левовском духе, не получил развития на армянской почве, а попытка издания журнала осталась совершенно не замеченной, если не считать единственной официальной рецензии в тифлисской армяноязычной газете *Мартакоч*, которую мы публикуем в Приложении.

Важно отметить, что еще ранее, почти за полтора года до *STANDARDa*, Чаренц и Алабян планировали издавать в Москве журнал под названием

Авангард. Анонс об этом 4 февраля 1923 года напечатала ереванская газета *Советская Армения*: «В конце этого месяца выйдет в свет новый журнал “Авангард”, под редакцией Егише Чаренца и Каро Алабяна, посвященный современной литературе и искусству (театру, музыке, живописи, скульптуре, искусству, кино и т. д.). Адрес редакции: бывшая гостиница “Франция”, [комната] № 4» (Анонс журнала *Авангард* 1923). Проект такого журнала остался нереализованным; пять месяцев спустя Чаренц вскользь упомянул о нем в тифлисской газете *Мартакоч*, в своей заметке «О футуризме», где он, в частности писал: «Я вынужден заявить, что с Т. Ахумяном я никогда не состоял ни в какой литературной группе. С Алабяном — да; мы вместе с ним задумывали издание футуро-конструктивистского журнала под названием “Авангард”, но до дела не дошло из-за отсутствия средств и сотрудников-единомышленников» (Чаренц 1923)¹⁵.

Итак, вызывающая брошюрка под заглавием *STANDARD* — важный артефакт середины двадцатых, попытка перезапуска футуризма на армянском языке в его лефовском и конструктивистском изводе, в новой атмосфере советской культурной революции. Проект *STANDARDa*, по сути, не стал фактом литературно-художественного процесса эпохи, будучи уничтожен самими авторами. На сегодняшний день выявлены лишь два экземпляра, оба хранятся в Музее литературы и искусства имени Е. Чаренца (фонд 395): один из них ранее хранился в семейном архиве Мазмания и был передан музею в дар¹⁶.

Этот эфемерный журнал-альманах совершенно неизвестен в России и, по сути, забыт в Армении¹⁷, несмотря на то, что Чаренц — важнейшая фигура национальной культуры, армянский классик, чье поэтическое творчество после реабилитации в 1955 году активно издавалось в СССР — в том числе в переводах на русский язык. Его стихи и поэмы переводили в том числе выдающиеся поэты — от Анны Ахматовой до Арсения Тарковского, и от Николая Глазкова до Бориса Слуцкого. Отметим, что по нашим подсчетам, за период с 1956 по 1990 год в русских переводах вышло в свет 20 книг Чаренца; их совокупный тираж приблизился к 1 000 000 экземпляров (однако 6 из этих 20 книг пришлось на «лениниану» Чаренца, чей совокупный тираж составил 450 000 экземпляров)¹⁸. При этом футуристический

¹⁵ Оправдательный тон Чаренца в этой заметке вызван статьями Сурана Ерзнкяна «Идеолог-певец реакции» и «Футуризм как литературная реакция», напечатанными в *Мартакоче* чуть ранее (1923. № 100. 24 июня; № 101. 26 июня). В первой из них неизменный критик футуризма громит книгу стихов Тиграна Ахумяна *I* (Ереван, 1923); во второй критикуется сборник *Нож к горлу* Г. Абова и армянские футуристы в целом, — с окончательным приговором: «Футуризму не было и нет места в Советской Армении». Именно указанный Суран Ерзнкян станет автором единственной рецензии на *STANDARD*.

¹⁶ На нем автограф Каро Алабяна на первой странице и две подписи: «Дорогому Мише Мазманияну. Москва 1924. 1. VI. / <От> Чаренца — К. Алабяна».

¹⁷ Впрочем, в отличие от широкой аудитории, армянским специалистам по Чаренцу журнал конечно известен. См., например: (Хечикян 2018: 524–530).

¹⁸ С распадом СССР издания Чаренца на русском языке прекратились. И лишь в 2008 году московское Общество дружбы с Арменией выпустило 250-страничный сбор-

Илл. 3. Егише Чаренц.
Фотография. 1921

Илл. 4. Четвертая сторона обложки журнала «STANDARD. № 1», с адресом главного редактора Егише Чаренца и анонсом: «Следующий номер будет посвящен практике “Стандарта”»

этап творческой биографии Чаренца в них был полностью редуцирован. Впрочем, и на армянском языке, даже в позднесоветских изданиях, футуризм Чаренца всячески замалчивался. На армянском языке этапными стали академическое собрание сочинений Чаренца в шести томах (Երկերի ժողովածու. Ереван, 1962–1968), а затем подготовленный его дочерью, Анаит Чаренц, 700-страничный том *Неизданных и несобранных произведений* (Ереван, 1983) — среди которых многие тексты после ареста поэта 17 лет пролежали зарытыми в землю, а потом еще четверть века ждали своей публикации. Наконец, уже в наши дни, в 2023 году, в Армении стартовало новое 13-томное академическое собрание сочинений Чаренца¹⁹.

Редчайший *STANDARD* заслуживает возврата из небытия — в виде факсимильного и комментированного издания. Мы надеемся в обозримом будущем закончить комментаторскую работу и он, наконец, найдет своих читателей — спустя 100 с лишним лет — как в России, так и в Армении²⁰.

ЛИТЕРАТУРА

[*STANDARD: Журнал литературы и искусства*. Ответственный редактор Егише Чаренц. Москва, 1924. № 1 (Май)]. — *На армянском языке*.

ник поэзии Чаренца *Поправивший смерть. Сотворивший твердь. Стихотворения и поэмы*, около половины объема которого составили новые переводы на русский язык ряда произведений 1930-х годов. Однако по сей день самым представительным изданием поэзии Чаренца на русском языке остается 500-страничный том *Стихотворения и поэмы* в серии «Библиотека поэта» (Л., 1973), составленный А. Н. Салахьяном под редакцией Г. А. Татосяна.

¹⁹ На сегодняшний день ереванским издательством «Антарес» изданы первые два тома, под редакцией Давида Гаспаряна. Первый том (2023) включает авторские поэтические книги и циклы 1912–1922 годов; второй том (2025) включает стихи, написанные с 1915 года до «Декларации трех» (июнь 1922) и от *STANDARDa* (май 1924) до 1931 года.

²⁰ Выражаю признательность Гаянэ Ахвердян за консультации и помощь в поиске редких материалов.

- [Анонс журнала «Авангард». *Хорурдаин Айастан (Советская Армения)*. №25. 4 февраля 1923.]. — *На армянском языке*.
- Зулумян Бурастан. «От классической традиции к символизму: Туманян — Терьян, Чаренц (сравнительно-статистический анализ)». *Studia Litterarum* 4/4 (2019): 252–279.
- [Каринян Арташес. «Егише Чаренц (Из моих воспоминаний)». *Воспоминания о Егише Чаренце (Вместе с Чаренцем)*. Ереван, 1961: 143–144]. — *На армянском языке*.
- [Каринян Арташес. «Опасное скольжение (“Роман без любви” Егише Чаренца)». *Пайкар*. №2. 7 февраля 1923: 17–19]. — *На армянском языке*.
- [Каринян Арташес. «Снова о Чаренце». *Пайкар*. №3. 23 февраля 1923: 45–46]. — *На армянском языке*.
- [Мазманян Микаэл. «С Чаренцем». *Воспоминания о Егише Чаренце (Вместе с Чаренцем)*. Ереван, 1961: 60–73]. — *На армянском языке*.
- [Макинцян Погос. «Армянский Буало и его спутники числом три с половиной (Литературный фельетон)». *Хорурдаин Айастан*. №157. 16 июля 1922: 2–3]. — *На армянском языке*.
- Россомахин Андрей. «Время Маяковского». Россомахин Андрей. *Ренессанс Маяковского: 50 важных книг о Маяковском в XXI веке (Библиографический навигатор)*. Санкт-Петербург: Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского, 2023: 25–32.
- Хечикян Асмик. «Футуризм и революция». *Русская литература и философия: пути взаимодействия*. Москва, 2018: 524–530.
- [Чаренц Егише. «О футуризме». *Мартакоч*. №103. 28 июня 1923]. — *На армянском языке*.
- [Чаренц Егише. «[Переводы стихотворений В. Маяковского]». Чаренц Егише. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 3. Ереван, 1964: 282–303]. — *На армянском языке*.
- Чаренц Егише. «Письмо в редакцию “Вышки” (14 мая 1925)». [В блоке материалов: Егише Чаренц. Статьи. Дневники. Письма]. Вступ. статья, сост., примеч. А. Чаренц. *Вопросы литературы* 11 (1987): 238–240.
- [Чаренц Егише. *Собрание сочинений*. В 6 т. Ереван, 1967. Т. 6]. — *На армянском языке*.
- Чаренц Егише. *Стихотворения и поэмы*. Составитель А. Н. Салахян. (Серия «Библиотека поэта»). Ленинград: Советский писатель, 1973.
- Шкловский Виктор. «Журнал как литературная форма». *Журналист* 11 (1924): 40–41.
- Шокальский Ежи. «Маяковский и Чаренц — роман(с) не без любви». *Творчество Маяковского. Вып. 2: Проблемы текстологии и биографии*. Отв. ред. В. Н. Терехина. Москва: ИМЛИ РАН, 2014: 302–318.

REFERENCES

- [*STANDARD: Zhurnal literatury i iskusstva*. Otvetstvennyj redaktor Egishe Charenc. Moskva, 1924. №1 (Maj)]. — *Na armyanskom yazyke*.
- [Anons zhurnala «Avangard». *Horurdain Ajastan (Sovetskaya Armeniya)*. №25. 4 fevralya 1923.]. — *Na armyanskom yazyke*.
- Zulumyan Burastan. «Ot klassicheskoy tradicii k simbolizmu: Tumanyan — Ter’yan, Charenc (sравnitel’no-statisticheskij analiz)». *Studia Litterarum* 4/4 (2019): 252–279.
- [Karinyan Artashes. «Egishe Charenc (Iz moih vospominanij)». *Vospominaniya o Egishe Charence (Vместe s Charencem)*. Erevan, 1961: 143–144]. — *Na armyanskom yazyke*.
- [Karinyan Artashes. «Opasnoe skol’zhenie (“Romans bez lyubvi” Egishe Charenca)». *Pajkar*. №2. 7 fevralya 1923: 17–19]. — *Na armyanskom yazyke*.
- [Karinyan Artashes. «Snova o Charence». *Pajkar*. №3. 23 fevralya 1923: 45–46]. — *Na armyanskom yazyke*.
- [Mazmanyanyan Mikael. «S Charencem». *Vospominaniya o Egishe Charence (Vместe s Charencem)*. Erevan, 1961: 60–73]. — *Na armyanskom yazyke*.
- [Makincyanyan Pogos. «Armyanskij Bualo i ego sputniki chislom tri s polovinoj (Literaturnyj fel’eton)». *Horurdain Ajastan*. №157. 16 iyulya 1922: 2–3]. — *Na armyanskom yazyke*.

- Rossomahin Andrej. «Vremya Mayakovskogo». Rossomahin Andrej. *Renessans Mayakovskogo: 50 vazhnyh knig o Mayakovskom v XXI veke (Bibliograficheskij navigator)*. Sankt-Peterburg: Central'naya gorodskaya publichnaya biblioteka im. V. V. Mayakovskogo, 2023: 25–32.
- Hechikyan Asmik. «Futurizm i revolucija». *Russkaya literatura i filosofiya: puti vzaimodejstviya*. Moskva, 2018: 524–530.
- [Charenc Egishe. «O futurizme». Martakoch. № 103. 28 iyunya 1923]. — *Na armyanskom yazyke*.
- [Charenc Egishe. «[Perevody stihotvorenij V. Mayakovskogo]». Charenc Egishe. *Sobranie sochinenij*. V 6 t. T. 3. Erevan, 1964: 282–303]. — *Na armyanskom yazyke*.
- Charenc Egishe. «Pis'mo v redakciju "Vyshki" (14 maya 1925)». [V bloke materialov: Egishe Charenc. Stat'i. Dnevniki. Pis'ma]. Vstup. stat'ya, sost., primech. A. Charenc. *Voprosy literatury* 11 (1987): 238–240.
- [Charenc Egishe. *Sobranie sochinenij*. V 6 t. Erevan, 1967. T. 6]. — *Na armyanskom yazyke*.
- Charenc Egishe. *Stihotvorenija i poemy*. Sostavitel' A. N. Salahyan. (Seriya «Biblioteka poeta»). Leningrad: Sovetskij pisatel', 1973.
- Shklovskij Viktor. «Zhurnal kak literaturnaya forma». *Zhurnalist* 11 (1924): 40–41.
- Shokal'skij Ezhi. «Mayakovskij i Charenc — roman(s) ne bez lyubvi». *Tvorchestvo Mayakovskogo. Vyp. 2: Problemy tekstologii i biografii*. Otv. red. V. N. Terekhina. Moskva: IMLI RAN, 2014: 302–318.

Андреј Росомахин

УНИШТЕНИ И ЗАБОРАВЉЕНИ ЧАСОПИС *STANDARD* (1924):
КРАХ ПРОЈЕКТА КОНСТРУКТИВИСТИЧКЕ ДАЈЦЕСТ-РЕВИЈЕ

Резиме

У пролеће 1924. године 27-годишњи Јегише Чаренц, познати песник и реформатор јерменског стиха, заједно са двојцом сабораца-вхутемасоваца Каром Алабјаном и Микаелом Мазмањаном (касније истакнутим архитектама) покренуо је у Москви издање авангардног часописа *Standard*. Започевши своју каријеру пре револуције као постсимболиста, сада, током треће године боравка у Москви, Чаренц се отворено окреће према футуризму и имажинизму, али притом, по свему судећи, рачуна с идеолошким притиском и оним трансформацијама, које су у оквирима совјетских реалија претрпели бивши руски футуристи на челу са Мајаковским. Важно је истаћи да је Чаренца критика током двадесетих година често називала „јерменским Мајаковским“ (чешће у погрдном смислу).

Standard: Часопис за књижевност и уметност штампан је у мају 1924. године у Москви, у целости на јерменском језику. Његова структура указивала је на мултидисциплинарни дијапазон покренутог пројекта, који је био позван да постане, у суштини, месечна или квартална ревија: КЊИЖЕВНОСТ. ГРАФИКА. СКУЛПТУРА. АРХИТЕКТУРА. ТЕАТАР. ФИЛМ. У први број су уврштене и декларације, прегледи изложби, рецензије, полемика, омањи преводи текстова Сергеја Третјакова и Георга Гроса. Тираж првог броја часописа био је одштампан у мају 1924. године, али након неколико дана спалили су га сами аутори. У чланку је реконструисан актуелан контекст, који је довео до уништавања часописа. Часопис изазовног наслова *Standard* био је покушај да се „леве“ снаге консолидују под окриљем конструктивизма; ово је важан артефакт епохе који ипак није постао чињеница књижевно-уметничког процеса.

Кључне речи: Јегише Чаренц, футуризам, конструктивизам, часопис *Standard*, ЛЕФ, цензура.